

Екатерина Олеговна ХРОМОВА¹

УДК 82.091

ЛИТЕРАТУРНОЕ МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
stud0000006592@study.utmn.ru

Аннотация

Исходный термин статьи — *литературное многоязычие* — следует понимать здесь как сочетание нескольких языков в одном художественном тексте (А. Кнаут). Этот феномен известен давно, однако в контексте глобального мира проблема звучит по-новому, и исследовательские подходы, разработанные в XX веке для анализа многоязычных текстов, по ряду причин не могут быть продуктивны в работе с современным материалом.

В статье выдвигается гипотеза о том, что в последние два десятилетия в мировой литературе формируется особый тип литературного многоязычия, имеющий принципиальное отличие от прежних его форм. Эта новая полилингвальная дискурсивная практика указывает на глубокие содержательные трансформации современного художественного сознания, и *цель статьи* — представить литературное многоязычие эпохи глобализации в качестве отдельной литературоведческой проблемы, требующей выработки новых теоретических подходов.

Исследование основано на новом и еще малоизученном материале. Это многоязычные романы современных европейских писателей-(э)мигрантов: прежде всего, Винфрида Зебальда (Германия-Великобритания), Алексея Макушинского (Россия-Германия), Герты Мюллер (Румыния-Германия), Владимира Вертлиба (Россия-Австрия).

В статье обобщаются основные положения существующих исследований по теме многоязычной литературы (Кнаут, Шмиц-Эманс, Хайн-Хатиб) и актуального литературного процесса (Шайтанов, Белобратов, Стоическу). Подключаются культурологические исследования (Бахтин, Лотман, Курциус, Саид). Выявляется основание, по которому

Цитирование: Хромова Е. О. Литературное многоязычие как современная научная проблема / Е. О. Хромова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Том 5. № 1. С. 101-113.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113

следует различать *старое* и *новое* литературное многоязычие (новый тип автора). Делается вывод о появлении новой идеологической функции литературного многоязычия, связывающей все уровни полилингвального романа эпохи глобализации. Для анализа современных многоязычных текстов предлагается подход на основе полилингвальных и интермедиальных кодов.

Ключевые слова

Современный литературный дискурс, глобализация, глобальное мышление, художественное мышление, литературное многоязычие, полилингвальный роман, полиидентичность, полилингвальные коды, интермедиальные коды, писатели-эмигранты, сверхнациональные писатели.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113

Введение

Тема многоязычия активно разрабатывается сегодня во всем мире: выходят специализированные научные журналы¹, в ведущих университетах создаются исследовательские группы², проводятся ежегодные междисциплинарные конференции и съезды³. С одной стороны, это говорит об острой актуальности проблемы и существовании социального запроса на подобного рода исследования; с другой — указывает на недостаточность имеющихся знаний и большой исследовательский потенциал, заключенный в проблеме. Одно из таких перспективных и мало разработанных направлений — изучение современного многоязычного художественного текста с *литературоведческих* позиций.

Мы имеем ввиду прежде всего творчество писателей-(э)мигрантов, в произведениях которых представлено сразу несколько языков. Эти авторы — наши современники — в последнее время все чаще оказываются в центре внимания критиков, исследователей и организаторов литературных премий. Нобелевская лауреатка Герта Мюллер (Румыния-Германия) пишет на пересечении румынского, немецкого диалектов и литературного немецкого [10]. «Абсолютно канон-

¹ Журналы *Multilingua*, *International Journal of Multilingualism*, *Sustainable Multilingualism*, «Многоязычие в образовательном пространстве» и др.

² Исследовательская программа *Creative Multilingualism*, Университет Оксфорда; Исследовательская группа *Globalization and Literature. Representations, Transformations, Interventions*, Университет Мюнхена; Научная группа «Полилингвизм и поликультурность в эпоху постграмотности», Уральский федеральный университет.

³ Вот несколько значимых событий, впервые имевших место в 2018 году: в Англии — *Scientific conference «Multilingualism in World Literature»*, Университет Лондона; в США — *1st International Conference on Literacy, Culture, and Language Education*, Индианский университет Блумингтона; в Испании — *1st International Conference on Research in Multilingualism «Innovation and New Challenges»*, Университет Овьедо; в Польше — *1st International Conference «Understanding Multilingualism»*, Университет Варшавы.

низированный современный классик» [7] Винфрид Зебальд (Германия-Великобритания) вводит в основной текст немецкоязычного романа «Аустерлиц» (2001) [6] еще пять языков — французский, английский, валлийский, нидерландский и чешский. В русскоязычном романе «Пароход в Аргентину» (2014) [9], написанном лауреатом национальной литературной премии «Большая книга» и победителем «Русской премии» Алексеем Макушинским (Россия-Германия), находим около 300 фрагментов на семи языках — немецком, французском, английском, испанском, итальянском, латышском и латинском. Список можно продолжить многими известными именами и знаменитыми романами, которые сегодня буквально воспринимаются как синоним выражения *современная литература*.

Очевидно, что создание художественного текста на пересечении многих языков и национальных культур, не частный случай идиостилия некоторых писателей, а одна из ярких черт актуального литературного процесса. При этом как в России, так и за рубежом, можно найти совсем немного специальных литературоведческих исследований, посвященных анализу современной полилингвальной прозы¹. Эксперты в области литературного многоязычия предпочитают обращаться к произведениям XX, а не XXI в. [15, 20, 22]; а современных писателей, некоторых из которых мы назвали ранее, как правило, рассматривают безотносительно к проблеме полилингвальности.

Можно назвать две главные причины, почему в нашей науке тему полилингвального романа пока обходят стороной. *Во-первых*, речь идет о новом материале. Это произведения, которые были написаны в последние два десятилетия. Потребовалось время, новые имена и новые романы, чтобы явление проявилось отчетливо. *Во-вторых*, даже теперь разглядеть его мешает серьезная традиция литературного многоязычия. Она показывает, что на протяжении всей истории литературы писатели обращались к разным языкам и включали их в свои тексты. Мольер и Рабле, Пушкин и Толстой, Джойс и Беккет, Набоков и Борхес — это только те имена, которые приходят на ум в первую очередь. Неудивительно, что современный полилингвальный текст может показаться лишь повторением уже созданных образцов. Для того чтобы избавиться от этой иллюзии, необходимо провести черту между многоязычием в литературе до конца XX в. и тем, что мы наблюдаем сегодня.

Основная часть

Хотя сама многоязычная литература, как было сказано, существует со времен античности, научная разработка проблемы началась не так давно. Особенный статус и художественная ценность литературного многоязычия редко рассматривались до XX века, а сам термин *multilingualism* был введен только в 1970 г.

¹ Полилингвальными мы называем только современные тексты, в то время как термин *литературное многоязычие* используем в отношении всей традиции многоязычной литературы.

Леонардом Форстером — «первым историком литературного многоязычия» [20, с. 4] — в его книге «Языки поэта: многоязычие в литературе» [16]. С тех пор было опубликовано еще несколько серьезных историографических исследований. Наиболее полной представляется типология, предложенная немецким литературоведом Карлом Альфонсом Кнаутом [19].

Кнаут выделяет два больших периода — *Традиционное моно- и многоязычие* (от древнего Рима и Греции до начала XX в.) и *Пост/модернистское многоязычие* (XX в.) — каждый из которых в свою очередь распадается на подтипы (11 — для первого периода и 10 — для второго). Так, можно проследить, как под влиянием социальных, политических и культурных процессов менялось восприятие многоязычия обществом (от символа хаоса, до символа взаимопонимания) и осмысление его места в литературе (от запрета на использование иноязычных слов, до осознания эстетической ценности как художественного приема).

Интересно, что у всех описанных Кнаутом этапов есть и нечто общее. Многоязычие прошлого представляется *бинарным*: язык родной/иностранной(-ые) — знаменитая лотмановская оппозиция *свое/чужое* [8]. Это монолингвальная парадигма, в которой иноязычные включения в художественном тексте рассматриваются в пределах ценностной системы главного/доминантного/*своего* языка.

То же самое мы наблюдаем в одноязычно ориентированном литературоведении, где смешение разных языков воспринимается как «языковая девиация» [18]. Такой подход нередко можно встретить и сегодня — как следует из доклада Александра Белобратова, прочитанного им на конференции «Банные чтения» [2], немецкая критика до сих пор часто снисходительно относится к литературе писателей-экзофонов¹, не может разглядеть в отступлениях от норм литературного немецкого — особый тип письма, принимая их за ошибки.

Символично, что граница между *старым* и *новым* многоязычием условно совпадает с границей XX и XXI вв. Именно в этот исторический период свершились главные завоевания эпохи глобализации. И хотя, как справедливо отмечает Игорь Олегович Шатайнов, мир не в первый раз «предстает небывало единым» и нам необходимо «избавить себя от ощущения исторической исключительности» [12], многие актуальные процессы действительно уникальны — ускорение темпов жизни, доступность коммуникативных каналов, прозрачность государственных границ. Только в этих условиях мог появиться новый тип писателя, способный создавать *другое* литературное многоязычие.

Одно из красноречивых доказательств утверждения о новом типе писателя — безуспешные попытки соотносить с существующими категориями таких авторов, как Герта Мюллер, Владимир Вергилий, Йоко Тавада, Алексей Маку-

¹ Экзофония — это практика письма на языке, который не является родным для автора. Хотя само явление известно уже давно, термин является относительно новым: он был введен в литературные и культурные исследования Сьюзен Арндт, Дирком Нагушевски и Робертом Стокхаммером в 2008 году [13].

шинский, Винфрид Зебальд и др. В нелитературных терминах их можно назвать эмигрантами, однако то, что они пишут, — не является литературой эмиграции (нет травмы изгнанничества, тоски по дому, изоляции от первого языка [3, 17, 21]). Другие определения — писатели диаспоры, писатели-мигранты — кажутся еще более беспомощными, как и попытки вписать их в концепцию национальных литератур. Румынская исследовательница Алекса Стоическу предлагает называть их *сверхнациональными писателями* (Supra-National Writers) [24] — более удачный, на наш взгляд, термин для характеристики сути явления.

Текстам сверхнациональных писателей свойственны определенные стратегии письма, темы и мотивы писателей-эмигрантов (например, «двойная перспектива» [21]), но при этом они обладают и уникальными особенностями поэтики, сформированными под влиянием *добровольного* отказа от дома. «Дом» здесь следует понимать широко — не только как определенную геополитическую локацию, но и как принадлежность к одной единственной культуре, общности, к одному языку.

Тема полиидентичности часто становится предметом рефлексии самих авторов. Так, Владимир Вертлиб в одном из своих эссе [25] называет родину для эмигрантов — «фиктивным междумиром», а утрату идентичности — знаком нашего времени. Далее он рассуждает о том, что в произведениях писателей-эмигрантов сегодня нет содержательной однозначности, так как они отсылают к особой «межнациональной» области культуры, это и позволяет создавать новые формы полилингвальности. О своем дискурсе писатель говорит, что под «немецкой поверхностью» его текста взаимодействуют идиоматика, мелодика и синтаксис русского языка.

В отличие от Вертлиба, у которого полилингвальность выражается главным образом вокально, в текстах других сверхнациональных писателей можно часто наблюдать вербальное и визуальное проявление многоязычия. Это, с одной стороны, введение в роман иноязычных включений либо переведенных прямо в тексте, либо вовсе без перевода. С другой — выраженная интермедальность текста.

Так, во всех своих романах Зебальд подключает язык фотографии к полилингвальному повествованию. Фотография у него — это не просто иллюстрация (иллюстрация существует как бы сама по себе, как отдельный компонент); здесь же фотография разрывает предложение посередине, даже не на месте интонационной паузы, и всегда дается в параллель с вербальным описанием того, что это фотография изображает: место, человек, здание (рис. 1). Герта Мюллер составляет стихи-коллажи из слов, вырезанных из журналов, вводя тем самым в свои поэтические опыты язык масс-медиа (рис. 2). В творчестве Алексея Макушинского полилингвальная интермедальность проявляется как тонкий стилистический гибрид: писатель создает особый тип архитектурного синтаксиса («архитектурное письмо» [4, 11]), через которые вводит в роман язык архитектуры (рис. 3).

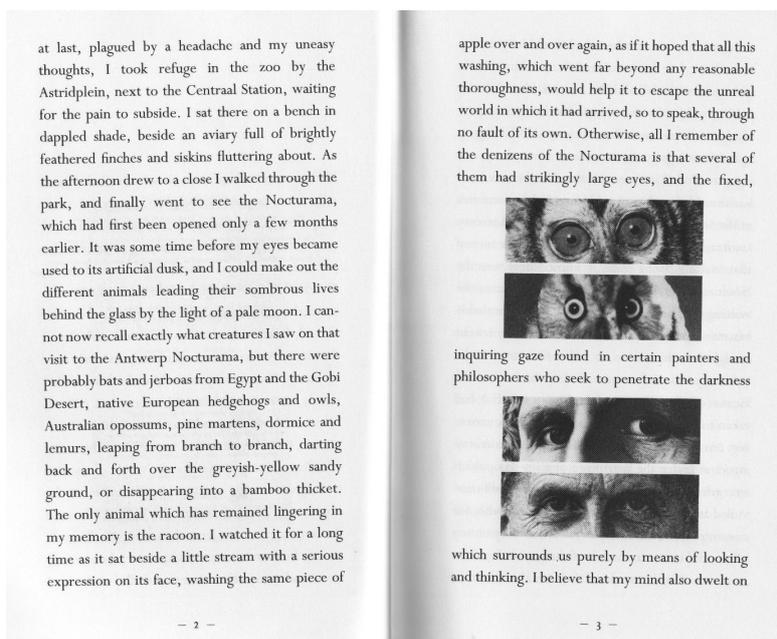

Рис. 1. Роман Винфрида Зебальда «Аустерлиц» (2001)

Fig. 1. The novel "Austerlitz" by Winfried Sebald (2001)

Рис. 2. Стихи-коллажи Герты Мюллер (2019)

Fig. 2. Collage Poems by Herta Müller (2019)

Алексей Макушинский

Лак цивилизации (*de la civilisation*) удивительно легко слезает с представителей (представительниц) просвещеннейшей нации, когда что-нибудь им не по ребру. Четвертной, накануне врученный и всученный безлико-угодливого проводнику, возымел свое действие; переселившись с его помощью в другое купе, где чудесным образом обнаружилось свободное место, вполне приятно провел я остаток дня в разговорах с довольно даже хорошенькой, в курдюшках, веснушках, хотя и насквозь прокуренной, с желтыми страшноватыми пальцами, молодой женщиной (ее пальцы были старше ее самой лет на тридцать...), работавшей, как выяснилось, монтажником на киностудии «Мосфильм», где я и сам когда-то проработал полгода помощником режиссера («жлопушкой») — один из безумнейших и, пожалуй, бессмысленнейших эпизодов моей, как, наверное, и всякая другая, безумной и бессмысленной молодости, — так что нам и в самом деле было о чем, о ком поговорить (посплетничать) с ней, сидя в купе, с проплывавшей за окном плоской Польшей, или выходя курить в тамбур, где затхло пахло всеми выкуренными в нем сигаретами, всеми погашенными, раздавленными, в особенное ведерко брошенными окурками, и плоская Польша проплывала в грязно-сумеречном, закопченном окошке, — тамбур, в который моя попутчица благородно удалилась без меня, поздно вечером, после того, как мы пересекли отвратительную польско-гедезровскую границу — *Raßkontrolle!* и фонарем прямо в морду, — проехали невнятную восточную окраину страны реального социализма, обреченного вскоре погибнуть, проехали страшный, темный, как будто брошенный всеми, и людьми, и даже при-

Рис. 3. Роман Алексея Макушинского «Пароход в Аргентину» (2014)

Fig. 3. The novel “The Steamboat to Argentina” by Alexei Makushinsky (2014)

Вовлечены и другие уровни текста, анализ которых выявляет много общего в творчестве исследуемых авторов: тема эмиграции как центральная; транзитивный хронотоп [5]; особый тип героя-полиглота, который имеет многонациональные корни и с детства живет «на несколько стран» (архитектор Воскобойников в романе «Пароход в Аргентину»), «на несколько языков» (Аустерлиц в одноименном романе); детерминированность героев их отношением к языку (особенно ярко — в романе Вл. Вертлиба «Промежуточные станции»). Можно заключить, что в своих произведениях полилингвальные писатели (осознанно или нет) воссоздают и моделируют многоязычную картину мира, отсылают нас к идее не разделяющей, а связывающей границы, которая, как известно, и есть место встречи и диалога культур [1].

Заключение

Рассмотрев авторитетную типологию, разработанную Кнаутом, мы увидели, что сама традиция литературного многоязычия неоднородна, и многовековая история многоязычной литературы может быть разделена чуть ли не на двадцать этапов. Поэтому произведения современных сверхнациональных и полилингвальных писателей мы понимаем как качественный скачок, представляющий тем не менее продолжение уже существующей линии.

Принципиальное отличие нового литературного многоязычия от основных его форм, созданных до конца XX в., в том, что полилингвальность сегодня стала не количественной, а качественной характеристикой текста; приобрела

новую, идеологическую, функцию. Другими словами, современная полилингвальность — это не только черта стиля, но, проявление на стилистическом уровне глубоких содержательных трансформаций современного художественного мышления и «самопонимания культуры» (термин Курциуса [14]). Это дает нам право говорить о формировании новой, полилингвальной дискурсивной практики и необходимости поиска методов ее исследования. Главное требование к новой методологии — способность *схватить* суть явления, которая, очевидно, заключается в отказе писателей от монолингвальной картины мира в пользу многоязычной и в проявлении этой новой философии на всех уровнях текста. Как показало наше исследование, одним из продуктивных подходов может быть совмещение методов полилингвального и интермедиального анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Слово в романе / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 т. Том 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 9-179.
2. Белобратов А. В. Немецкоязычная литература мигрантов: к проблематике гибридной идентичности: доклад / А. В. Белобратов // «XX Банные чтения», ежегодная научная конференция журнала «Новое литературное обозрение». 2012. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs (дата обращения: 13.02.2019).
3. Бугаева Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика / Л. Бугаева // Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts (За пределами. Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века) / под ред. Л. Бугаевой и Е. Хаусбахер. Франкфурт-на-Майне: Петер Ланг, 2006. С. 51-71.
4. Данилина Г. И. Гибридные конструкции в романе Алексея Макушинского «Пароход в Аргентину» / Г. И. Данилина, Е. О. Хромова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 1. С. 109-120. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-109-120
5. Данилина Г. И. Писатели-билингвы: «Письмо между культурами» и литературная традиция / Г. И. Данилина // Филологические чтения. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. С. 87-91.
6. Зебальд В. Г. Аустерлиц: роман / В. Г. Зебальд; пер. с нем. Марины Кореневой. СПб.: Азбука-классика, 2015. 362 с.
7. Куприянов Б. «Если ты не знаешь Зебальда, ты просто suck»: Издатель Александр Иванов о том, как выбрать книгу на Non-fiction / Б. Куприянов // Сетевое издание «Горький» (gorky.media). URL: <https://gorky.media/intervyu/esli-ty-ne-znaesh-zebalda-ty-prosto-susks> (дата обращения: 13.02.2019).
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1996. 464 с.
9. Макушинский А. Пароход в Аргентину: роман / А. Макушинский. М.: Эксмо, 2014. 318 с.
10. Мюллер Г. Качели дыхания / Г. Мюллер; пер. М. А. Белорусец. Спб.: Амфора, 2011. 320 с.

11. Хромова Е. О. «Архитектурное письмо» в романе Алексея Макушинского «Пароход в Аргентину» / Е. О. Хромова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. статей VI Междунар. науч. конф. молодых ученых (10 февраля 2017 г.) / общ. ред. Ж. А. Храмушина, А. С. Поршнева, А. А. Ширшикова, М. А. Чистякова; Урал. федер. ун-т. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 63-68.
12. Шайтанов И. О. Триада современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур / И. О. Шайтанов // Журнал «Вопросы литературы». № 6. Москва, 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/sh7.html> (дата обращения: 13.02.2019).
13. Arndt S. Exophonie: Anders-Sprachigkeit (in) der Literatur / eds. S. Arndt, D. Naguschewski, R. Stockhammer. Berlin: Kadmos, 2007.
14. Curtius. E. R. Die französische Kultur: eine Einführung / E. R. Curtius. Bern: Francke, 1975.
15. Firchow P. Literary multilingualism and modernity: The Anglo-American Perspective / P. Firchow // *Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert* / ed. M. Schmeling, M. Schmitz-Emans. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2002. S. 59-67.
16. Forster L. The poet's tongues: multilingualism in literature / L. Forster. London, New York: Cambridge University Press in association with University of Otago Press, 1970. XII. 101 p.
17. Göbler F. Gibt es seine Poetik des Exils / F. Göbler // *Russische Emigration im 20. Jahrhundert: Literatur — Sprache — Kultur* / hg. Frank von Göbler. München, 2005. S. 151-168.
18. Hein-Khatib S. Sprachmigration und literarische Kreativität. / S. Hein-Khatib // *Europäische Hochschulschriften. Book 203*. Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 1998.
19. Knauth K. A. Literary multilingualism I: general outlines and western world / K. A. Knauth // *Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity* / eds. M. Seligmann-Silva, P. Mildonian, J. Djian, D. Kadir, L. Block de Behar, A. Knauth, D. Romero Lpez. Oxford, UK, 2007. URL: <http://www.eolss.net/ebooks/Sample%20Chapters/C04/E6-87-07-05.pdf> (дата обращения: 13.02.2019).
20. Knauth K. A. Translation & Multilingual Literature / K. A. Knauth. Hamburg: Lit Verlag, 2011. Pp. 3-24.
21. Said E. Intellectual Exile: Expatriates and Margins / E. Said // *The Edward Said Reader* / ed. by M. Bayomi, A. Rubin. New York: Vintage, 2000. Pp. 379-380.
22. Schmits-Emans M. Literatur und Vielsprachigkeit: Aspekte, Themen, Voraussetzungen / M. Schmits-Emans // *Literatur und Vielsprachigkeit*. Heidelberg: Synchron, 2004. S. 11-26.
23. Schmeling M. Multilingualität und Interkulturalität im Gegenwartsroman / M. Schmeling // *Literatur und Vielsprachigkeit* / ed. by M. Schmitz-Emans. Heidelberg: Synchron, 2004. Pp. 221-235.
24. Stoicescu A. Herta Müller and Hafid Bouazza. Two Supra-National Writers / A. Stoicescu // *Journal of Dutch Literature*. 8.1. 2017. Pp. 23-40.
25. Vertlib V. Spiegel im Fremden Wort / V. Vertlib. Dresden: Tehlem Verlag, 2007.

Ekaterina O. KHROMOVA¹

UDC 82.091

LITERARY MULTILINGUALISM AS A MODERN SCIENTIFIC PROBLEM

¹ Postgraduate Student,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
stud0000006592@study.utmn.ru

Abstract

Literary multilingualism — the key term of the article — should be understood here as a combination of several languages in one literary text (A. Knout). This phenomenon has been known for a long time. However, in the context of the global world, the problem is again relevant. At the same time research approaches developed in the 20th century to analyze multilingual texts cannot be productive for modern material for a number of reasons.

The author of the article hypothesizes that in the past two decades a special type of literary multilingualism has been formed in the world literature and it has a fundamental difference from its previous forms. This new, multilingual discursive practice points to the profound meaningful transformations of modern artistic consciousness. The purpose of the article is to present the literary multilingualism of the era of globalization as a particular problem of literary criticism requiring new theoretical approaches.

The research is based on a new material. These are multilingual novels by contemporary European (e)migrant writers. Herta Müller (Romania — Germany) writes at the intersection of Romanian, German dialect, and *Hochdeutsch*. Winfried Sebald (Germany — United Kingdom) introduces five more languages into the main German text of the novel “Austerlitz” (2001) which are French, English, Welsh, Dutch, and Czech. In the novel “The Steamboat to Argentina” (2014) by Alexei Makushinsky (Russia — Germany) there are about 300 fragments in seven languages — German, French, English, Spanish, Italian, Latvian, and Latin. Vladimir Vertlib (Russia — Austria) writes that in his discourse the idiomatics, melody, and syntax of the Russian language interact under its “German surface”.

Citation: Khromova E. O. 2019. “Literary multilingualism as a modern scientific problem”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 5, no 1, pp. 101-113. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113

This article summarizes the main provisions of the existing research on the topic of multilingual literature (Knaut, Schmitz-Emans, Hayn-Khatib), the actual literary process (Shaitanov, Belobratov, Stoichescu), and the cultural studies (Bakhtin, Lotman, Curtius, Said). The author of the article shows that the tradition of literary multilingualism is heterogeneous. The centuries-old history of multilingual literature can be divided into almost twenty stages. Therefore, the works of modern multilingual writers is a qualitative leap, representing, nevertheless, the continuation of the existing line. The border between “the old” and “the new” literary multilingualism conventionally coincides with the border of the 20th and 21st centuries. At this period, under the influence of globalization processes (the acceleration of the pace of life, the availability of communication channels, the transparency of state borders), a new type of writer appeared — the *supra-national writer* (A. Stoicescu).

Based on the analysis of the novels of the mentioned authors, it is concluded that there is a fundamental difference between the new literary multilingualism and its main forms created before the end of the 20th century. This difference lies in the fact that multilingualism today has become not quantitative but a qualitative characteristic of the text; acquired a new, ideological function. In other words, modern multilingualism is not only a stylistic feature but a manifestation at the stylistic level of deep meaningful transformations of modern literary thinking and “self-understanding of culture” (*Selbstverständnis* — the term of E. Curtius). That is why one can state the emergence of a new, multilingual discursive practice as well as the need to find methods for its research.

The main requirement for the new methodology is the ability to “grasp” the essence of the phenomenon, which, obviously, lies in the writers abandoning the monolingual map of the universe in favor of a multilingual one and in the manifestation of this new philosophy at all levels of the text. As this research has shown, one of the productive approaches can be the combination of multilingual and intermedial analysis methods.

Keywords

Modern literary discourse, globalization, global thinking, literary thinking, literary multilingualism, multilingual novel, multiple identities, multilingual codes, intermedial codes, migrant writers, supra-national writers.

DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-1-101-113

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. 2012. “Word in the novel”. In: Collected Works in 7 vols, vol. 3: The Theory of the Novel (1930-1961), pp. 9-179. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. [In Russian]
2. Belobratov A. V. 2012. “Migrants’ German-speaking literature: hybrid identity issues”. Proceedings of the Annual Scientific Conference of the Journal “New Literary Review” “XX Bath Readings”. Accessed 13 February 2019. https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs [In Russian]

3. Bugaeva L. 2006. "The mythology of emigration: geopolitics and poetics". In: Bugaeva L., Hausbacher E. (eds.). *Ent-Grenzen. Intellectuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts*, pp. 51-71. Frankfurt am Main: Peter Lang. [In Russian]
4. Danilina G. I., Khromova E. O. 2018. "Hybrid principles in the novel 'The Steamboat to Argentina' by Alexei Makushinsky". *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 4, no 1, pp. 109-120. DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-1-109-120 [In Russian]
5. Danilina G. I. 2013. "Bilingual writers: 'Letter between cultures' and the literary tradition". *Filologicheskkiye chteniya*, pp. 87-91. Tyumen: TSU Publishing House. [In Russian]
6. Sebald W. G. 2015. *Austerlits*. Translated from German by M. Koreneva. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. [In Russian]
7. Kupriyanov B. "'If you don't know Sebald, you just suck': Publisher Alexander Ivanov on how to choose a non-fiction book". *Setevoye izdaniye "Gor'kiy"*. Accessed 13 February 2019. <https://gorky.media/intervyu/esli-ty-ne-znaesh-zebalda-ty-prosto-susks> [In Russian]
8. Lotman Yu. M. 1996. *Inside the Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History*. Moscow: Shkola "Yaz. rus. kul'tury". [In Russian]
9. Makushinskiy A. 2014. "The Steamboat to Argentina". Moscow: Eksmo. [In Russian]
10. Müller H. 2011. *Atemschaukel*. Translated by M. A. Belorusets. Saint Petersburg: Amfora. [In Russian]
11. Khromova E. O. 2017. "'Architectural letter' in the novel by Alexei Makushinsky 'The Steamboat to Argentina'". *Proceeding of the 6th International Scientific Conference of Young Scientists "Current Problems of Philology of the 21st Century"*, part 2: *Modern Problems of Studying History and Literary Theory*, February 10, 2017, edited by Zh. A. Khramushina, A. S. Porshneva, A. A. Shirshikova, M. A. Chistyakova, pp. 63-68, Ekaterinburg: UrFU. [In Russian]
12. Shaytanov I. O. 2005. "The triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures". *Voprosy literatury*, no 6. Accessed 13 February 2019. <http://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/sh7.html> [In Russian]
13. Arndt S., Naguschewski D., Stockhammer R. (eds.). 2007. *Exophonie: Anders-Sprachigkeit (in) der Literatur*. Berlin: Kadmos. [In German]
14. Curtius E. R. 1975. *Die französische Kultur: eine Einführung*. Bern: Francke. [In German]
15. Firchow P. 2002. "Literary multilingualism and modernity: the Anglo-American perspective". In: *Multilinguale Literatur im 20. Jahrhundert*, pp. 59-67. Edited by M. Schmeling and M. Schmitz-Emans. Würzburg: Königshausen & Neumann.
16. Forster L. 1970. *The Poet's Tongues: Multilingualism in Literature*, XII. London, New York: Cambridge University Press in association with University of Otago Press.
17. Göbler F. (ed.). 2005. "Gibt es seine Poetik des Exils". In: *Russische. Emigration im 20. Jahrhundert. Literatur — Sprache — Kultur*, pp. 151-168. München. [In German]
18. Hein-Khatib S. 1998. *Sprachmigration und literarische Kreativität*. Series: *Europäische Hochschulschriften / European University Studies / Publications Universitaires Européennes*, vol. 203. Berlin: Peter Lang. [In German]

19. Knauth K. A. 2007. "Literary multilingualism I: general outlines and western world". In: Seligmann-Silva M., Mildonian P., Djian J.-M., Kandir D., Block de Behar L., Knauth A., Romero Lpez D. (eds.). 2007. *Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity*. Oxford: Eolss Publishers. Accessed 13 February 2019. <http://www.eolss.net/ebooks/Sample%20Chapters/C04/E6-87-07-05.pdf>
20. Knauth K. A. 2011. *Translation & Multilingual Literature*, pp. 3-24. Hamburg: Lit Vergas. [In German]
21. Said E. 2000. "Intellectual exile: expatriates and margins". In: Bayoumi M., Rubin A. (eds.). 2000. *The Edward Said Reader*, pp. 379-380. New York: Vintage.
22. Schmits-Emans M. 2004. "Literatur und Vielschprachigkeit: Aspekpte, Themen, Voraussetyungen". In: *Literatur und Vielsprachigkeit*, pp. 11-26. Heidelberg: Synchron. [In German]
23. Schmeling M. 2004. "Multilingualität und Interkulturalität im Gegenwartsroman". In: M. Schmitz-Emans (ed.). 2004. *Literatur und Vielsprachigkeit*, pp. 221-235, Heidelberg: Synchron. [In German]
24. Stoicescu A. 2017. "Herta Müller and Hafid Bouazza. Two supra-national writers". *Journal of Dutch Literature*, 8.1, pp. 23-40.
25. Vertlib Vl. 2007. *Spiegel im Fremden Wort*. Dresden: Tehlem Verlag. [In German]